

Андраш БОЗОРАДИ

С НИМИ ИЛИ БЕЗ НИХ?

**JANGFELDT, B.: MI ÉS ŐK – AZ OROSZ ESZME TÖRTÉNETE. SVÉDRŐL
MAGYARRA FORDÍTOTTA BARTÓK IMRE [Б. ЯНГФЕЛЬДТ: МЫ И ОНИ.
ИСТОРИЯ «РУССКОЙ ИДЕИ». ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО НА ВЕНГЕРСКИЙ
ИМРЕ БАРТОКА]. HELIKON, BUDAPEST, 2024, 224 O.
ISBN: 978-963-620-057-2**

With Them or Without Them?

**Jangfeldt, B.: Mi és ők – Az orosz eszme története [Us and Them: History
of the “Russian Idea”]. Translated From Swedish Into Hungarian by Imre
Bartók. Helikon, Budapest, 2024, p. 224. ISBN: 978-963-620-057-2**

Abstract

Jangfeldt’s book “Us and Them: History of the ‘Russian Idea’” was published in Hungarian translation in 2024. The author is a Swedish writer and translator from Russian, associate professor of Slavic languages at Stockholm University. The aim of the review is to show what ideological and philosophical currents Jangfeldt’s book discusses, and how all of these have influenced Russian history and culture in the past 300 years.

Keywords: *Slavophile, westerner, idea, tsar, vertical, Russia*

В своей работе по истории идей Бенгт Янгфельдт берется за довольно масштабную задачу. Он проводит читателя через три столетия и стремится представить в виде системы множество идеологий и концепций, оказавших значительное влияние на русскую культуру и историю. В ходе этого «путешествия», которое занимает чуть более двухсот страниц, читатель прослеживает последствия реформ Петра I, знакомится с различными аспектами спора между «славянофилами» и «западниками», а также узнаёт о том, как власть возводит те или иные идеи в ранг государственной идеологии. Первую версию этой работы Янгфельдт написал ещё в 2017 году, а затем в 2022 году вышло ее новое, расширенное издание. На венгерском языке книга доступна с 2024 года.

Свой первый доклад в Стокгольмском университете Янгфельдт начал с фразы: «Россия не похожа ни на одну другую страну». Он обосновывает этот тезис, ссылаясь на два специфически русских явления. Первое – это отношение России к Европе, вопрос, который с эпохи Петра Великого занимает русское

общество. Отсюда вытекает резкое противостояние между теми, кто стремится следовать западному пути, и теми, кто отстаивает особый «русский путь» (название эссе также отсылает к «русской идее» Ф.М. Достоевского). Второе явление связано с вертикальной структурой власти, то есть с отношениями между правителями и подданными, что является постоянной чертой русской истории.

Изложив свои тезисы, автор заявляет, что рассматривает русскую культуру как дуалистическое явление. Для иллюстрации этой двойственности он цитирует Николая Бердяева, Владимира Путина и Иосифа Бродского.

В начале эссе Янгфельдт пытается раскрыть богословские корни «русской идеи». По его мнению, одно из фундаментальных различий между Западной и Восточной церквями заключается в том, что на Западе стремятся находить ответы на определенные вопросы, тогда как на Востоке принимают как данность, что человеку невозможно знать всё. Восточное христианство проповедует аскетизм, отказ от мирского и смирение, что не обязательно способствует развитию самостоятельного мышления у личности. Русская церковь освящала крепостное право, которое, по мнению Янгфельдта, является «раковой опухолью» общества. Исходя из этого, автор делает вывод, что, в отличие от прогрессивных католиков, православные носят регрессивный характер.

Правление Петра I, безусловно, открывает новую эпоху в русской истории. Он получает власть в стране, где более двух веков господствовали монголы. Население государства составляет около 15 миллионов человек, уровень грамотности чрезвычайно низкий. Россия практически не имеет дипломатических связей с Западом. Армия отстает от западных стран на несколько веков. Открытость к Западу была вызвана, прежде всего, военной отсталостью, что привело к проникновению в страну современных технологий. Петр I приглашает подготовленных офицеров и инженеров, которые начинают переписку со своими соотечественниками, тем самым ускоряя обмен информацией. Это оказывает влияние и на культурную жизнь. Первую официальную театральную постановку по библейской истории об Эсфири организовал лютеранский пастор Иоганн Грегориус. Всё больше молодых дворян обучаются в Западной Европе. Петр I реформирует систему государственного управления, создает тайную полицию, а также Святейший Синод, тем самым подчиняя церковь государству.

Петр Великий принял титул «императора» и в 1703 году официально «открыл окно в Европу», основав Санкт-Петербург. Целью было построить город, не похожий на деревянную Москву. Дворянство получило приказ возводить каменные здания на берегах Невы. Проект оказался успешным: Петербург превратился в настоящий мегаполис. Он стал символом стремления догнать Запад, но одновременно и разделил русское общество. Элитные слои приветствовали появление новой столицы, но широкие народные массы и церковь выступили против, утверждая, что Москва – «третий Рим» (ссылаясь на концепцию Филофея Псковского), а четвертого не будет. С этого момента

у страны фактически две столицы – северная и южная. Бердяев отмечает, что именно с Петра Великого в российском обществе появилась такая двойственность, которой нет у других наций.

После смерти Петра I на престоле сменяется ряд регентов, и, за исключением строительных работ в Санкт-Петербурге, в книге этот период подробно не описывается. В 1762 году на трон восходит Карл Петер Ульрих под именем Петр III. Его жена – София Августа Фредерика Ангальтербтская, немка по происхождению со шведскими корнями. Через них династия Романовых в некоторой степени европеизируется. Однако Петр III правит меньше полугода: в результате дворцового переворота его свергает собственная жена, которая становится императрицей Екатериной II.

Екатерина II с юных лет осознанно и упорно занималась самообразованием. Она изучала русскую историю и философию, сама много писала, вела переписку с Дени Дидро и Франсуа Вольтером. Когда публикация «Французской энциклопедии» столкнулась с трудностями, Екатерина II предложила издать ее в Российской империи. Под влиянием идей Шарля Луи де Монтескье в 1767 году она издала «Наказ» – документ, целью которого было создание справедливого законодательства. Однако в одном Екатерина II отошла от взглядов Монтескье: он считал конституционную монархию предпочтительной формой правления, Екатерина II не могла поступиться самодержавием (что объяснялось масштабами страны).

При ее правлении крепостные крестьяне остались в стороне от идей Просвещения. Более того, их положение ухудшилось: они утратили право жаловаться на своих помещиков, в то время как помещики могли ссылать их в Сибирь. Со временем императрица всё больше входила в противоречие с собственными убеждениями (восстание Пугачёва и Французская революция поколебали ее уверенность). Достичь своих целей она не смогла, так как отступала перед любыми реформами, угрожавшими ее абсолютной власти. Учрежденная ею Комиссия по составлению законов оказалась недолговечной, но, тем не менее, Екатерине II были пожалованы титулы «Великой» и «Мудрой Матери Отечества».

Разумеется, ее правление отмечено и значительными достижениями. В стране появились независимые типографии, был основан Большой театр, расцвела культурная жизнь (в это время творили Гавриил Державин, Александр Крылов, Денис Фонвизин и Николай Карамзин), Россия завоевала Крым. Однако наследие Екатерины II столь же противоречиво, как и наследие Петра Великого: несмотря на бесспорные успехи, наибольшую выгоду от них получила элита, а социальное расслоение только усилилось.

Екатерина Великая воспитывала своего внука, будущего Александра I, в духе Просвещения. Вступая на престол, Александр I заявил, что намерен продолжить путь Екатерины II. Среди его планов были более справедливое законодательство и ликвидация самодержавия, но этим планам помешала война. После Тильзитского мира царь поручил Михаилу Сперанскому разработку нового свода законов, взяв за основу английские и французские

модели. Либеральный проект пришелся Александру I по душе, однако элита (включая Карамзина) выступила категорически против, и в итоге Сперанский был отправлен в отставку.

В 1812 году Наполеон напал на Российскую империю, но потерпел поражение. В 1814 году союзники окончательно разгромили французов, а годом позже была создана Священная лига. Империя получила Финляндию и Царство Польское. Со временем Александр I всё больше погружался в религиозный фанатизм, оказавшись под влиянием некоего Фотия – загадочного монаха, который на несколько лет захватил внимание царя. Усилилась цензура, был запрещен ввоз иностранных книг. Янгфельдт видит в этом монахе предшественника Григория Распутина.

После внезапной смерти Александра I на престол взошел его брат Николай. Узнав об этом, декабристы подняли восстание против самодержавия. Восставшие в основном происходили из высших слоев общества и были верны царю, но, побывав в Западной Европе во время наполеоновских войн, они познакомились с местными обществами и идеями. Вернувшись в Россию, эти молодые люди создали тайные общества, которые ставили перед собой такие цели, как отмена крепостного права, свобода слова, печати и собраний, а также независимая судебная система.

Восстание потрясло нового царя, и он ответил на него кровавыми репрессиями. Николай I держался в стороне от идей Просвещения, но считал примером для подражания Петра Великого. Он создал мощный бюрократический и полицейский аппарат, который позволял контролировать все слои общества, укрепляя вертикальную систему власти, о которой писал Янгфельдт.

Революционная волна, охватившая Европу, напугала Николая, и он принял участие в подавлении нескольких восстаний за границей. Это вызвало рост антироссийских настроений по всей Европе. В России всё больше усиливалась цензура, выезд за границу стал сложнее, чем прежде. Российская империя всё сильнее изолировалась от остального мира.

Министр народного просвещения Николай I Сергей Уваров выдвинул следующий принцип: молодежь необходимо воспитывать незаметно, до того момента, пока она не начнет верить в триаду «православие, самодержавие, народность». Эту триаду впоследствии можно возвести в ранг официальной государственной идеологии (исследователи называют это династическим национализмом). По мнению Янгфельдта, триада Уварова стала ответом на лозунг «Свобода, равенство, братство». Уваров рассматривал самодержавие как фундамент, на котором покоится русский колосс.

После этого Янгфельдт переходит к рассмотрению противостояния славянофилов и западников. Оба направления испытали влияние романтических движений первой половины XIX века, согласно которым человеку необходима духовная пища, которую один лишь интеллект обеспечить не в состоянии. Особенно значительное влияние оказала немецкая романтика, например, натурфилософия Фридриха Шеллинга, утверждавшая, что мир представляет собой единый органический целостный организм.

Автор называет историческую идентичность России и ее отношение к Западу одной из главных тем славянофилов. Николай Рязановский, специалист по эпохе Николая I, пишет, что среди множества идей и идеологий есть одна общая черта: «Россия всегда была „Мы“, а Запад всегда был „Они“; причём именно „Они“ виновны во всех грехах мира».

Русские, подобно другим европейским народам, обладают древней государственностью, однако существует одно существенное отличие: Россия никогда не имела связи с античностью. Петр Чаадаев считал это фатальной проблемой, тогда как славянофилы видели в этом преимущество. Римская цивилизация оставила Европе в наследство право и рационализм. С точки зрения славянофилов, право проблематично, поскольку не признает ничего, кроме самого себя. Рационализм же, подчиняя себе церковь, ведет к индивидуализму и конкуренции. Частично именно в этом славянофилы видели слабость Западной Европы (особенно активно эти идеи стали распространяться с 1860-х годов).

Россия, напротив, может стать альтернативой, источником силы и стабильности, поскольку русские уверены в своей идентичности и строят общество на основе коллективизма. С этим тесно связан концепт «соборности» – духовного единства, основанного на православном учении.

Янгфельдт старается осветить отношение «Мы» и «Они» с позиции именно славянофилов. Согласно этому взгляду, у русских два врага. Первый – это настоящий Запад, а второй – русский Запад, возникший после реформ Петра Великого. Славянофилы видели в Петре I тирана, который прервал органическое развитие страны, расколол народ и проводил свои реформы жестокими методами. Исходя из этого, Санкт-Петербург мог быть лишь городом внешней истины, тогда как Москва – городом внутренней истины и истинной веры.

Легко было бы считать славянофилов застрявшими в прошлом консерваторами, но Янгфельдт указывает, что это заблуждение. Исходя из своих религиозных и исторических взглядов, они выступали против крепостного права и требовали свободы слова. Они даже критиковали Николая I, поэтому историки избегают применять к ним термин «династический национализм», предпочитая называть их взгляды «романтическим национализмом». Парадоксальным образом именно в период самого жесткого подавления расцветает русская культура.

Западники стремились идти в ногу с Европой, видя в этом залог прогресса, и считали, что Россия является частью общего европейского пути. Промышленная революция не могла произойти в Российской империи, поскольку в стране отсутствовал полноценный средний класс, а крестьянство было прикреплено к земле. Это привело к технологическому отставанию русской армии, за что пришлось заплатить в Крымской войне.

Мирный договор подписал уже не Николай I, а Александр II. В 1861 году Александр II окончательно отменил крепостное право. Целью было создание такого закона, который удовлетворил бы всех, но результат оказался

неоднозначным. С одной стороны, институт крепостничества действительно был упразднен, но с другой – многие крестьяне не смогли выкупить свою свободу.

Александр II провел также юридические и административные реформы, в результате которых, например, появились земства. Его правление можно охарактеризовать как умеренный абсолютизм. Январское восстание 1863 года напугало царя – он опасался, что поляки создадут прецедент. В ответ Александр II жестко подавил восстание и начал политику русификации.

В этот период в стране начинает распространяться социализм, который сумел впитать в себя и идеи славянофилов. Одним из его важнейших представителей был Александр Герцен (который выступал в поддержку поляков). Хотя Герцен принадлежал к западникам, он принял историческую концепцию славянофилов и отверг западную буржуазию. Он считал, что Россия может стать той страной, которая в своем историческом развитии сумеет «перепрыгнуть» через стадию буржуазии. В отличие от западников, Герцен положительно оценивал реформы Петра I. Он видел потенциал в созданной Петром I интеллигенции, которая, по его мнению, могла бы убедить народ свергнуть царизм.

В стране начали появляться радикальные революционные организации, такие как «Народная воля», которые видели потенциал в крестьянских общинах для начала революции. По всей стране совершались террористические акты против государственных чиновников. В 1881 году одна из таких атак привела к убийству императора Александра II. Его сын, Александр III, был потрясен этим событием и обвинил либеральную политику отца за случившееся. Подобно Николаю I, Александр III усиливает автократию, увольняет реформаторов и начинает процесс русификации польских, финских и балтийских образовательных учреждений. В экономике же он старается идти в ногу с Европой, и промышленный рост России сопоставим с ростом США, чему способствовали усилия министра финансов Сергея Витте, ставшего позже первым премьер-министром России.

При Николае II экономический рост продолжался, но после поражения в Манчжурии (1905) монархия столкнулась с жесткой оппозицией либералов и социалистов. Социалисты разделились на умеренных меньшевиков, считавших буржуазию необходимым этапом развития, и радикальных большевиков, настаивавших на немедленной революции. Янгфельдт сравнивает меньшевиков с западниками, а большевиков – со славянофилами, подчеркивая их способность адаптировать романтический национализм.

Первая мировая война привела к огромным потерям. В 1917 году Николай II отрекся от престола, но Временное правительство Керенского не смогло удержать власть. Этим воспользовались большевики, положив конец эпохе Петра I. СССР продолжил традицию противостояния Западу, но теперь в формате «социализм vs. капитализм». В 1920-х годах российская интеллигенция подверглась репрессиям или эмигрировала.

В среде ищущей свою идентичность русской эмиграции зарождается идея евразийства. Николай Трубецкой считал страну уникальной цивилизацией между Европой и Азией, независимой от Запада. Евразийцы полагали, что монгольское владычество укрепило государственность, а многонациональный характер России требует особого пути развития. Однако в 1930-х НКВД внедрился в движение, после чего Трубецкой его покинул, что привело к его краху.

В 1985 году к власти пришел Горбачёв, начавший перестройку и гласность. Он объявил, что Россия – европейская нация, а курс на примирение с Западом ослабил коммунистические догмы. Распад СССР в 1991 году вызвал территориальные потери и идеологический кризис. В новой России начался пересмотр истории, и страна сделала попытку следовать западной модели демократии.

Тот факт, что евразийство вновь набрало силу, во многом связан с работой Александра Дугина. В молодости Дугин ненавидел советское общество. Он был восприимчив к эзотерике, нумерологии, христианскому мистицизму, а также к фашизму. В конечном итоге он выбрал националистическое направление. Его цель – поднять евразийство до уровня государственной идеологии. Янгфельдт называет его ведущим представителем «русской идеи» и признает, что концепции Дугина оказали значительное влияние на современный политический дискурс России. Однако, по мнению Янгфельдта, идеологически современная Россия вошла не в XXI, а в XIX век. Если искать исторический аналог сегодняшней России, то он скорее всего находится в империи Николая I.

В целом можно сказать, что в своем эссе автор стремится рассмотреть тему с разных точек зрения. Он объективен и приводит множество примеров для иллюстрации исследуемых процессов. Однако, когда речь заходит о современной России, читатель уже легко замечает личные предпочтения Янгфельдта. Тем не менее, в заключении своей работы он пытается найти точки консенсуса, ссылаясь на Николая Бердяева и Андрея Синявского. Конечно, прошлые события легче воспринимать с большей дистанцией. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что речь идет о подлинно интеллектуальной истории идей, поскольку в этой работе слишком большое внимание уделяется политическим и военным процессам российской истории. На протяжении многих страниц у читателя возникает ощущение, что он читает своеобразные размышления автора о русской истории. В то же время необходимо отметить, что автор использует интересные аналогии. Например, он рассматривает противопоставление большевиков и меньшевиков через призму оси славянофилы – западники. Для университетского преподавателя русской истории это эссе, вероятно, не принесет много нового. Однако студенту, изучающему Россию, несомненно, стоит хотя бы раз ознакомиться с этой работой. Эссе Янгфельдта помогает структурировать многочисленные философские, исторические и культурные процессы, знание которых необходимо для понимания российской истории.

В целом, венгерская критика положительно оценивает работу Янгфельдта, поскольку она помогает понять сложность российской идентичности и политического мышления, а также их исторические корни – и с этой задачей книга справляется действительно безупречно. Каталин Дьюрки в рецензии, опубликованной на портале 1749.hu, подчеркивает, что Янгфельдт анализирует движение «идеологического маятника» в российской истории, который колеблется между тяготением к Западу и внутренней автократией. По мнению автора, Россия на протяжении всей своей истории так и не смогла найти равновесие между этими двумя полюсами, что в значительной степени повлияло на ее политическое и социальное развитие. Рецензия на сайте Olvasóterem.hu выделяет, что Янгфельдт тщательно показывает становление и развитие русской идеи – от реформ Петра Великого до современной путинской политической идеологии. Сильной стороной книги является ее доступность и информативность при изложении основных направлений российского политического мышления и их исторического контекста.

Литература

- GYÜRKY K. 2024: Ideológiai inga (Bengt Jangfeldt: *Mi és ők – Az orosz eszme története*) [Ideological pendulum (Bengt Jangfeldt: “Us and them – The history of the ‘Russian idea’”)]. <https://1749.hu/fuggo/ideologiai-inga-bengt-jangfeldt-mi-es-ok-az-orosz-eszme-tortenete.html> (Дата обращения: 01.05.2025).
- JANCE 2024: Bengt Jangfeldt: *Mi és ők. Az orosz eszme története* [Bengt Jangfeldt: “Us and them – The history of the ‘Russian idea’”]. <https://olvasoterem.com/blog/2024/06/24/bengt-jangfeldt-mi-es-ok-az-orosz-eszme-tortenete/> (Дата обращения: 01.05.2025).
- JANGFELDT, B. 2024: *Mi és ők – Az orosz eszme története*. Ford. Bartók Imre [Us and them: history of the “Russian idea”. Translated by Imre Bartók]. Budapest: Helikon Kiadó.

Андраш БОЗОРАДИ
Институт славистики
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
andrisbozorady@gmail.com

